

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ КНР НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХI вв.

Рассматриваются взаимоотношения руководства КПК и интеллигенции в конце ХХ – начале ХХI в. Если в 80-х гг. ХХ в. среди китайской интеллигенции широко обсуждался вопрос, являются ли реформы социалистическими или капиталистическими, то после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. по указанию Дэн Сяопина был введен запрет публичного обсуждения данного вопроса. В культурных кругах произошло переосмысление национальной специфики и осознание первостепенной роли партии в период перехода к рыночной экономике.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая; интеллигенция; политика; культура.

С началом проведения реформ и «открытости» в 80-х гг. ХХ в. китайская интеллигенция начала задумываться о том, какой характер носят реформы – социалистический или капиталистический, какой должна быть экономика – рыночной или плановой, идеология – авторитарной или либеральной. Кроме того, разгорелась полемика относительно открытия влиянию извне традиционной китайской культуры. Руководство КНР остро реагировало на критику со стороны интеллигенции и было вынуждено идеологически обосновать осуществляющиеся реформы таким образом, чтобы это не угрожало позициям Коммунистической партии.

После подавления «Движения за демократию» в Пекине в июне 1989 г. партийно-государственное руководство КНР осознало необходимость принятия соответствующих решений относительно интеллигенции. В свою очередь события на площади Тяньаньмэнь показали китайским интеллектуалам невозможность быстрого и безболезненного перехода к демократии, в их кругах бушевали споры относительно дальнейшего развития страны, были даже предложения по сохранению политической стабильности путем прекращения реформ. Все это мешало стабилизации китайского общества. Поэтому в 1992 г. Дэн Сяопин прекратил дискуссии о том, в каком ключе осуществлялись реформы – в социалистическом или капиталистическом. Его указание «не спорить» выражало запрет публичного обсуждения данного вопроса и определило дальнейший рыночной путь развития КНР. Таким образом, в культурных кругах произошло переосмысление национальной специфики и осознание первостепенной роли партии в период перехода к рыночной экономике. Представители китайской интеллигенции постепенно отказались от роли общественных критиков и активистов, часть из них покинула страну, часть вернулась к творческой или преподавательской деятельности в университетах.

Установки правительства, адресованные работникам литературы и искусства, сводились к призывам по совершенствованию связей между культурой и политическим курсом и следованию принципам развития социалистической культуры, а рыночная экономика стала определять путь развития китайской культуры. В первой половине 1990-х гг. интеллигенция обсуждала положительные и отрицательные черты развития культуры в условиях рыночной конкуренции. Так, исполняющий обязанности министра культуры Лю Чжундэ к положительным сторонам относил появление новых

жанров и форм культурного досуга, создание благоприятных условий для инвестиций, которые способствуют расширению внутренних и внешних культурных обменов Китая, а среди негативных последствий выделил уменьшение числа читателей и зрителей серьезных произведений литературы и искусства, экономические трудности в некоторых исполнительских коллективах, возникшую растерянность у многих творческих работников и руководителей органов культуры. Автор призывал философов, экономистов, культурологов, юристов и ученых других специальностей совместно разрабатывать теоретические аспекты создания рынка культуры [1. С. 381]. Работники культуры рассуждали о необходимости таких реформ в этой сфере, которые развивались бы в соответствии с экономическими преобразованиями, принимая во внимание специфические черты культуры. Так, Лю Чжундэ, сравнивая произведения литературы и искусства с обычными товарами, разделил их на «высокое» искусство, которое должно поддерживаться государством и обществом, и массовое, которое надо политически «направлять», а возникающие вредные явления – искоренять путем совершенствования законодательства в этой сфере [Там же. С. 382]. Таким образом, был сделан вывод о том, что при создании продуктов творчества социальный эффект должен в равной мере соотноситься с экономическим эффектом.

Во второй половине 90-х гг. ХХ в. пришло понимание того, что китайская культура отстает от политического и экономического развития. Задача строительства духовной культуры с китайской спецификой, выдвинутая Дэн Сяопином в начале 80-х гг., теперь была выдвинута на первый план. Для решения поставленной задачи власти стремились привлечь работников идеально-культурного фронта, которые должны были взять на себя роль воспитателей нового поколения – людей, обладающих «четырьмя качествами» – «идеалами, моралью, культурностью и дисциплиной». Их призывали к тому, чтобы они стремились «стать настоящими инженерами человеческих душ, непременно повышать свой культурный, идеальный и моральный уровень, создавать все больше совершенных произведений разных жанров» [2. С. 293–294].

Вслед за этим на фоне общего оживления философской мысли в Китае и развития социалистических рыночных отношений в печати стала широко обсуждаться проблема выработки марксистской литературно-художественной теории с китайской спецификой. Ост-

ро стали вопросы взаимоотношений между социалистической литературой, с одной стороны, и искусством и рынком – с другой, взаимосвязь эстетических и идеологических явлений культуры, использования современных и традиционных национальных приемов и т.д.

В октябре 1996 г. вышло два документа, задавших направление дальнейшему развитию литературы и искусства в Китае. Первый из них – постановление «О некоторых важных вопросах строительства духовной культуры», второй – «Решение 6-го пленума ЦК 14-го созыва по некоторым важным вопросам усиления строительства социалистической духовной цивилизации». В последнем был раздел, посвященный развитию социалистической культуры. В обоих документах говорилось, что культура должна содействовать «борьбе за “исправление стиля” работы партии с коррупцией и разложением в ее рядах», а средством для достижения этой цели должно стать создание большого числа хороших произведений, в них должны сочетаться идейность и художественность, и присутствовать «лейтмотив эпохи». Хотя допускалась свобода тематики, направлений и жанров, тем не менее, указывалось на то, что работники искусства должны «заботиться о социальном эффекте своих произведений». А радио и телевидению рекомендовалось прекратить передачу «упаднических и нездоровых программ».

Еще одной характерной чертой данных документов было указание на то, что хотя в руководстве сферой культуры и надо избегать «неоправданного вмешательства», однако «нельзя уклоняться от направляющих указаний» и «не пускать дело на самотек» [2. С. 301–302]. Это свидетельствовало об определенном отходе от установок Дэн Сяопина о невмешательстве в дела литературы и искусства. Несмотря на это, «Решение» было одобрено участниками совещания писателей и литераторов, созданного Отделом пропаганды ЦК КПК и СКП в октябре 1996 г. Тема определения установок в сфере литературы была продолжена на съездах СКП и Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) в декабре 1996 г. Руководство снова призывало писателей к тому, чтобы они проникали в «глубь народных масс», стремились к «учебе у жизни, у масс». На фоне прославления героической эпохи и «богатого духовного мира народа, преобразующего природу и общество», писателям вменялось в обязанность «обличать страсть к наживе, гедонизм, индивидуализм и прочие негативные явления». Они должны были также «выступать против влияния западной буржуазной и всякой иной реакционной культуры» [3. С. 187–188]. Хотя мощная пропагандистская политика руководства партии и государства была направлена на привлечение интеллигенции к решению накапливающихся социальных проблем, однако для этого использовались старые лозунги эпохи Мао Цзэдуна, что вряд ли могло вызвать энтузиазм со стороны китайских интеллектуалов.

В новом столетии на представителей творческой интеллигенции была возложена важная миссия по усилению роста материальной, и еще более – духовной культуры. Руководство КНР стало придавать новое звучание культурному строительству. Задача по наращиванию «духовной силы китайской нации» и обога-

щению духовного мира человечества стала выступать как непременное условие «единодушного и непоколебимого движения вперед».

Это показали 7-й Всекитайский съезд ВАРЛИ и 6-й Всекитайский съезд Союза китайских писателей, которые проходили с 18 по 22 декабря 2001 г. На них присутствовали такие партийные и государственные руководители КНР, как Ли Пэн, Чжу Жунцзи, Ли Жуйхуань, Ху Цзиньтао и Ли Ланьцин, а с приветственной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. Охарактеризовав современную ситуацию как ожесточенную конкуренцию среди государств в области совокупных потенциалов, включающих наряду с экономическими, научно-техническими, военными также и культурные потенциалы, Цзян Цзэминь назвал факторы, от которых зависят судьбы развивающихся стран: «сохранение и развитие лучших культурных национальных традиций, всемерное развитие национального духа и заимствование лучшего культурного достояния других наций». Поэтому, по его мнению, для КНР в процессе осуществления социалистической модернизации на первый план выходит стратегическая задача по формированию передовой культуры, которая обладала бы мощной притягательной и вдохновляющей силой как для китайского народа, так и для народов всего мира.

В выступлении прозвучала идея, что если государство будет развивать «национальную, научную и общедоступную социалистическую передовую культуру, обращенную лицом к модернизации, к миру и будущему», то тем самым оно сможет оказывать интеллектуальную поддержку передовым производительным силам и экономическому развитию в рамках всей человеческой цивилизации. Цзян Цзэминь призвал творческих работников «сознательно включиться в великую практику реформ и “открытости”, в осуществление модернизации. Стремиться создавать произведения, ратующие за национальный дух китайской нации иозвучные передовым веяниям эпохи». Конечно, в процессе модернизации в Китае центральным звеном выступало экономическое строительство. Однако пришло понимание того, что без развития культуры невозможно адаптироваться к условиям постоянного углубления рыночных взаимоотношений и расширения открытости внешнему миру. Это заставило интеллигенцию вновь поднять вопросы о характере проводимых реформ в новом XXI в.

Ху Цзиньтао, пришедший к власти в 2002–2003 гг., направил страну на строительство «социалистического гармоничного общества», выступая за гармонизацию общественных отношений. Интеллигенции была дана возможность публично обсуждать курс преобразований. Осознавая стратегическое значение культурного строительства, руководство приглашало интеллигенцию к налаживанию взаимодействия между творческими работниками и властью. Партия стала терпимо относиться к научным и публичным дискуссиям и конференциям на темы, посвященные различным экономическим, идеологическим и культурным течениям, дала их участникам возможность издавать свои книги и статьи. Однако большее внимание у руководства вызывали работы представителей различных направлений китайской экономической мысли, так как в обществе накопилось мно-

жество проблем, затрагивающих широкие слои населения: материальное неравенство, недоступность для бедных слоев населения образовательных и медицинских услуг, недостаток жилья и др. Поэтому руководство было заинтересовано в проведении дискуссий, так как необходимо полное понимание сложившейся ситуации во избежание однобокости реформ, что могло помешать устойчивому развитию страны. В XXI в. новое руководство КНР дало возможность интеллигенции участвовать в обсуждении политической ситуации в стране.

Все чаще стало встречаться понятие «публичной интеллигенции», заимствованное из западной социологии. В Китае к ней относят довольно широкий круг «работников умственного труда», а именно: научную и творческую интеллигенцию, включая актеров и кинорежиссеров, юристов, журналистов и сотрудников СМИ, активистов неправительственных организаций, к ним же относят и популярных эстрадных звезд [4. С. 31]. Так, в 2004 г. популярный еженедельник «Наньфан жэньчжоу» (г. Гуанчжоу) опубликовал рейтинг 50, по его мнению, самых влиятельных представителей китайской «публичной интеллигенции». Кроме прочих, в нем оказались не просто профессионалы своего дела, но люди, занимающие активную позицию в жизни китайского общества. Например, такие известные экономисты, как Лан Сяньпин, который раскрыл «непрозрачные» схемы передачи госимущества в частные руки, или У Цзинлянь, который раскрыл общественности манипуляции на рынке акций, историк Цинь Хуэй, рассказавший о серьезных проблемах проведения налоговой реформы в деревне, и др. По замыслу авторов данного списка, эта публикация должна была показать, что в Китае есть интеллигенты, которые готовы отстаивать справедливость и говорить о проблемах, затрагивающих интересы всего народа. Данная публикация имела отклик у общественности, в результате развернулась широкая дискуссия о том, может ли отдельный представитель интеллектуальной элиты повлиять на развитие страны. Цуй Вэйпин в своей статье «Кто сегодня может повлиять на Китай?» отмечал, что влияние интеллигенции на Китай может осуществляться через трансформацию

ее взглядов в «общественную политику» или «в основания для разработки отдельных положений законов» [5].

Однако обсуждение этой темы вызвало критику со стороны официальных СМИ. В установочной статье шанхайской партийной газеты «Цзефан жибао», а затем и в «Женьминь жибао» (ноябрь 2004) утверждалось, что использование западного термина «публичная интеллигенция» и подражание западным СМИ в составлении разных списков «противопоставляют интеллигенцию партии и народным массам», якобы защитники концепции «публичной интеллигенции» выступают за независимость интеллигенции, утверждая, что она «не принадлежит ни к какому классу или группе». Но авторы статьи утверждали, что «интеллигенция – это часть рабочего класса, это элемент народных масс, это группа, руководимая партией». Они обвинили представителей «публичной интеллигенции» «в принижении роли народных масс, будто бы неспособных самостоятельно говорить о своих интересах». Аргументировали тем, что сами интеллигенты тоже не выигрывают от этого, что в стремлении занять место «идейных вождей» масс «они отрываются от профессии, вмешиваются в дела, в которых не разбираются, становятся звездами телевидения и СМИ, устраивают шоу». По мнению авторов, чтобы не оказаться на ложном пути, необходимо «сохранять трезвость и твердость, придерживаться руководящего положения марксизма, чтобы не заблудиться среди различных идеинных течений» [4. С. 32–33]. Акцент, сделанный в данной статье на отрыве «публичной интеллигенции» от масс, показал, что власти не допустят вмешательства интеллигенции в принятие важных политических решений, и напомнил интеллигенции, что она является «частью рабочего класса» и может вносить предложения относительно социально-политического развития КНР только в рамках своей профессиональной сферы. Таким образом, можно сделать вывод, что в XXI в. новое руководство КНР использует интеллигенцию на разных уровнях в качестве консультантов в узкой тематике их профессиональной деятельности, не давая выступать в роли критиков государственной политики или инициаторов новых направлений реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайская Народная Республика в 1993–1994 гг. Политика, экономика, культура : ежегодник. М. : Восточная литература, 1995. 476 с.
2. Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. Политика, экономика, культура : ежегодник. М. : Восточная литература, 1997. 494 с.
3. Китайская Народная Республика в 1997 г. Политика, экономика, культура : ежегодник. М. : Восточная литература, 1997.
4. Борох О.Н., Ломанов А.В. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. 2005. № 3.
5. Цуй Вэйпин. Цзинтянь, шуй иэн инсян Чжунго? (Кто сегодня может повлиять на Китай?). URL: <http://www.people.com.cn/GB/wenhua/27296/2797756.html> (дата обращения: 08.05.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2013 г.